

СОДЕРЖАНИЕ

Новый каменный век. Книга 1.....	5
Новый каменный век. Книга 2.....	263
Новый каменный век. Книга 3.....	491

НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК

1

Глава 1

Ветер, рождённый на севере, над ледяными щитами великого горного хребта, катился по выжженной стужей тундростепи. Он влёк за собой запах пыли, древнего лежалого снега и вечной мерзлоты в зелёные горные долины. Прокатывался вдоль низинной реки, взбирался по осыпям и склонам, залетал на высокогорные луга.

Он же сейчас касался моей плоти, забирался под шкуры, покалывая кожу. Тело так и норовило содрогнуться, разогреть кровь. Но шевелиться было нельзя. Малейшее движение на этом склоне могло выдать меня.

Я прижимался хребтом к громадному валуну, старался врасти в его шероховатую, покрытую серым лишайником поверхность. Камень ещё держал бедное тепло дневного солнца, но мои пальцы, сжимавшие шлифованное и пропитанное жиром древко дротика с кремневым наконечником, оставались холодными.

Примерно в сорока метрах ниже по скату, на самой окатке каменистой осыпи, окидывал взглядом рубеж владений новый хозяин.

«Вот я тебя и отыскал...» — подумал я, силясь дышать мелко и бесшумно. А глаза неотрывно следовали за золотистым силуэтом.

Молодой самец пещерного льва мерно прогуливался, даже не задумываясь о скрытности. Ему не от кого было прятаться: мало какой хищник решится сойтись с ним в битве, а если противников будет много, он отступит так живо, что останется лишь глотать пыль. И главное — к нему было не подобраться достаточно близко: животные органы чувств работали превосходно. Зрение, слух, обоняние — в радиусе пятидесяти метров не водилось ничего, что могло бы спрятаться от него.

В косых лучах заката его шерсть казалась практически кремовой. У него не имелось той роскошной гривы, что украшает его африканских сородичей в моей эпохе, лишь короткий густой мех, облегающий мощный зашеек и подчёркивающий колоссальную ширину черепа. Он являл собой олицетворение чистой животной силы. Мышцы ездил под шкурой, будто корни разросшегося дерева. Более того, на шкуре не было

ни единого рубца, который мог бы свидетельствовать о минувших поражениях. Совершенная форма, самый пик мощи.

«Больше и сильнее любого африканского льва. Костяк весомее, лапы крупнее. Адаптирован к охоте на мегафауну, — всплывали в памяти обрывки знаний из уже почти позабытой прежней жизни. — Вот он, царь каменного века».

Но я также был в курсе, что этот «царь» — тяжёлый и при этом довольно быстрый хищник равнинных территорий. Масса, что повышала шансы в схватке с мегафауной на открытом пространстве, становилась тяготой на пересечённой местности, среди скал, камней и узких расщелин. И я намеривался обратить его силу в слабость.

За последние семь дней он превратил жизнь моих людей в кошмар. Загрыз двух молодых оленей из нашего стада. И сделал это у самой верхней стоянки, в нескольких десятках метрах от шалашей. Вчера вечером мы обнаружили его следы у реки, в полукилометре от летних шалашей. Он намеревался освоить территорию, что принадлежала нам. Но я не мог позволить ему этого.

«Ну-с, коллега! — мысленно произнес я, не сводя с него прищуренных глаз. — Твои аппетиты я понимаю целиком и полностью. Соперничество за ресурсы — тема мне хорошо знакомая, как и всему роду людскому. И также мне известно, что в результате останется лишь один из нас».

Сейчас, спустя несколько лет, мне казалось немыслимым, что некогда я был совсем не кроманьонским юношей-охотником по имени Ив. Не так уж давно я едва знал, за какой конец держать копьё, а каким тыкать в зверя. Нет, в теории, естественно, знал. Но на практике... И всё оттого, что раньше я был профессором, читавшим лекции о древних общинах, социальной структуре и мироустройстве каменного века. И носил вполне себе обыкновенное имя — Дмитрий Васильевич Коробов.

Рука сама потянулась к груди, притронулась к пожелтевшему волчьему клыку, висящему на плетёном кожаном шнурке на шее. Клык этот был символом моего племени — Белого Волка. И даже если мой рациональный, пропитанный советским образованием разум противился суевериям, тут, среди ледяных скал, мхов и давным-давно исчезнувших могу-

чих зверей, рука так и тянулась к нему, словно ища какой-то поддержки, силы...

«Я непременно вернусь!» — слышались эхом мои же слова, сказанные не так давно на стоянке.

Конечно, мало кто верил, что один мужчина способен выстоять против пещерного льва. Но мы уже пытались загнать его группой. Не раз, и даже не два. Он постоянно уходил от открытого столкновения. В засаду завлечь на незнакомой ему территории также не выходило. Хотя он и был молод, но отнюдь не дурак. И это было проблемой, которую я хотел решить. И, собственно, по этим причинам я пошёл один.

Расчёт строился на его неопытности и территориальной агрессии. Молодняк азартен и склонен верить в свою непобедимость. Матёрый же, умудрённый годами лев даже не взглянул бы в сторону одинокого примата, понимая, что человек — ужин крайне сомнительный: мяса с гулькин нос, да ещё и копыя в арсенале. Однако этот «молодчик» был излишне спесив, чтобы спустить с рук дерзость какой-то безволосой обезьяне.

Пользуясь заслоном из искривлённых сосен, скальных выступов и жухлых кустарников, я начал спускаться. Шкуры на мне как раз были цвета земляной охры вперемешку с сажей и каменной пылью. Каждое движение же делалось лишь тогда, когда шумел ветер, либо птица чирикала, да хоть что-нибудь ещё отвлекало его.

Когда природные укрытия кончились, мне пришлось ползти. И мелкие камни крайне неприятно вонзались в локти и предплечья. Но я был тишайшим, ни пылинки не взвёял. Да и уже зрел свою цель — тесную щель в скалах за его спиной.

Как очутился в данной точке, сразу замер, готовясь морально. В руках я держал костяной атлатль. Это был такой древний «множитель силы». Дротик, брошенный с его воздействием, бил куда сильнее дротика, отправленного в полёт рукой. Рычаг, ничего удивительного. Недаром ведь всё гениальное просто. Правда, в подлинной истории «хомо сапиенс» изобретут его сильно позже. Буквально через пару десятков тысяч лет. Может, немного раньше. Не суть важно.

Более того, дротик у меня был специальный. Вместо привычного острия древко завершалось кожаным мешком,

наполненным пеплом и едкой пылью. И ещё одним, особым ингредиентом.

Я отклонил локоть назад, занёс руку и рванул!

— Ха! — вылетел из горла хриплый выдох.

Атлатль выстрелил с тихим свистом! Дротик помчался с невероятной стремительностью аккурат туда, куда я хотел! Лев среагировал за долю секунды до встречи со снарядом! Отскочил в сторону — буквально в последний миг!

«Поразительная скорость реакции!» — подумал я, но едва ли огорчился. Даже не удержал лёгкой ухмылки — самыми краешками губ.

Желудочный пузырь разорвался прямо перед носом зверя. Он тут же выпустил облако пыли из пепла, пыли и, главное, порошка из корня аконита. Лев дёрнулся и громогласно чихнул. Тут же сделал ещё прыжок, выбираясь из облака. Его золотистые глаза, сузившись, яростно разыскивали источник угрозы, прыгая по тёмным скалам и расщелинам.

«Это его не прикончит, но затормозит, — понимал я, так как в этом и состоял план. — И прибавит мне шансов выйти из этой схватки победителем. Ну или хотя бы не проигравшим». Я улыбнулся про себя, осознавая, что проигрыш означал смерть.

Я несколько раз глубоко вздохнул и выскользнул из укрытия на обнажённое место. Промчался десяток шагов, умышленно открывая спину. И, разумеется, он заметил.

— Ра-а-а-ар-р-р!!!

По долине разнёсся разъярённый рёв молодого хищника! Он кинулся с места и начал набирать скорость с пугающей быстротой.

— Давай, за мной! — хрипнул я и бросился к скалам.

Я повёл его по дуге, используя любую природную преграду и невыгодный рельеф. Забегал за валуны, нырял под низкие навесы, вынуждал его тормозить и терять инерцию на крутых заворотах. Но на входе в тесный скальный коридор фортуна от меня отвернулась. Кожаный мокасина соскользнул на живом камне, скрытом под слоем мха. Правая нога ушла в сторону, в голени неприятно чавкнуло, и я со всего маху рухнул на камни, покотившись под скальный навес.

Пыль забила рот! Воздух вышибло из лёгких!

— Хра-а-а!

Он увидел, что я ранен, и издал торжествующий рёв! А затем прыгнул!

Мой мозг отключился на несколько мгновений, словно кто-то щёлкнул тумблером. Я лишь чувствовал смесь ужаса и адреналина и видел летящую тушу огромного льва, желающего разорвать мне глотку. Мне показалось, что я способен рассмотреть каждую деталь на его безгривой голове, его жёлтую радужку, острые клыки и даже шероховатый кошачий нос.

Тело начало действовать без моего участия! Одним движением я вонзил один край атлатля в щель скального навеса, а другой — в землю перед ногами. И следом туша льва врезалась в эту распорку.

Бам! Хракх! Древко тут же переломилось. Острый край едва не угодил мне в глаз, я только в последний миг успел отвести голову. И как по заказу у кончика носа пронеслись тёмные когти. Но по инерции льва отбросило ниже по склону, он покатился по каменистой осыпи обратно к реке.

— Ещё не всё! — прорычал я скорее самому себе и вскопчил на ноги.

Лодыжку тут же пронзила резкая боль. Я аж скривился. Но перепачканный в пыли лев уже поднимался, и глаза у него были злющие! Я стиснул зубы покрепче и побежал. Расстояние между нами сокращалось. Мне казалось, что я ощущаю его дыхание на шее. Топот лап набатом бил по ушам. Но впереди уже показалась метка из трёх плоских камней, сложенных друг на друга.

«Ещё немного! Ещё чуть-чуть!» — судорожно думал я.

На последние несколько метров я собрал все силы, что у меня остались... И прыгнул! Пронёсся над линией камней, над насыпью хвои и мха! Ощутил удар о твёрдую землю, обрадовался и кубарем закатился вбок, в подготовленную нишу.

«Давай же!» — вспыхнула мысль.

И ослеплённый азартом и гордыней пещерный лев влетел на замаскированный настил. Разлетелся треск ломающегося хвороста, взметнулись иглы сухой хвои. А следом туша опрокинулась в яму, и мне в уши ударил пронзительный, полный боли и обиды визг вперемешку с рёвом.

Ловушка схлопнулась. Я выполз из своей ниши, лёг на живот и осторожно, медленно подобрался к яме. Обожжённые деревянные колья не сумели убить льва сразу. Один прошил бедро насквозь, другой разорвал брюшину, а третий пробил грудь в области лёгких. Он ещё бился, даже насаженный на колья, а прекрасная золотистая шкура постепенно темнела от крови и грязи.

«Опытный лев никогда бы не оказался в такой ловушке. Но ты... ты был слишком молод и неопытен. И твоя главная ошибка... это недооценивание людей», — думал я, смотря на него. Этот урок стоил ему жизни. И мне, признаться, было жаль это прекрасное создание.

— Прости, — тихо сказал я, отдавая должное зверю.

Я взял тяжёлое копьё с широким листовидным кремневым наконечником и обошёл яму. Встал там, где он никаким образом не смог бы до меня достать. На секунду — его последнюю секунду — наши глаза встретились. И в его взгляде не было мудрости царя, лишь паника сильного зверя в ловушке. И, наверное, ужас перед коварством и хитростью человека.

Каменный наконечник вошёл точно под лопатку, туда, где было его сердце. Я желал даровать ему быструю смерть. Это единственное, что я мог себе позволить. Тело льва содрогнулось в последний раз и затихло навсегда. Я сел на холодный, покрытый лишайником камень у края ямы.

«А ведь когда-то я должен был всего-навсего читать лекции студентам... — вспоминал я нечто, казалось бы, уже ускользающее от меня. — Стоять у кафедры, водить указкой по экрану с изображением какой-нибудь резной Венеры. И только мечтать увидеть нечто подобное воочию...»

Я посмотрел на огромное, ещё тёплое тело в яме, а затем — на вершины гор, закованные в лёд.

«Кто же мог подумать, что и такие мечты способны исполняться...»

Глава 2

Я прикоснулся к тёмному дереву отполированной до блеска кафедры. Её блеск — свидетель десятков, сотен студентов, внимавших здесь лекциям ещё до тех, кто сейчас сидел

предо мной. И, к слову, зал был полон. А я ведь думал, что антропология уже покрылась затхлой пылью и интерес к ней угас. Сейчас так и трещат про роботов, программирование и нейросети. Детишек всё меньше интересуют динозавры, каменные копыта и жизнь тех, кто был до нас.

«По крайней мере, у этих вроде глаза блестят. — Я сощурился, глядя на молодёжь. — Не у всех, естественно. Ну а чего? Не думал же ты, Дмитрий Васильевич, что в сказку попал? От тебя-то и требуется дать ту самую искру».

Как принято, на первых рядах сидели самые прилежные. Тетради открыты, осанка ровная, а рука словно вот-вот потянется к потолку. Позади же, на самой галёрке, те, кто пришёл «деда послушать». Их типажи были мне известны. Собственно, они не менялись на протяжении десятков лет. И, как всегда, требовали каждого считать индивидуальностью... Ох, куда уж там, простите...

На экране по левую руку замер последний слайд с изображением «Венеры из Холле-Фельс». Следом я выключил проектор, и наступила тишина. И я уже знал, что такая приходит лишь перед тем, как эта самая «индивидуальность» начнёт вырываться наружу. И сильнее всего у тех, кто так и грезит «переспорить деда».

«И-итак... — я представил барабанную дробь. — Поехали!»

— Ну что же, коллеги, — заговорил я, и голос мой вышел твёрдо и ясно, без характерного для моего возраста старческого дребезжания. Он заполнил зал, прокатился вдоль рядов внимательных ушей. — Пусть и бегло, но мы прошли по материалу о последнем в современной истории ледниковом периоде. — Я слегка приподнял ещё даже не дрожащие руки. — И что мы узнали? — Я немного дёрнул уголками губ. — Если холодно и сухо: неандертальцы отправились на юг, а кромафоны пришли на север. Мегафауна всё ещё бродит по земле, а человек ещё даже не приблизился к оседлому образу жизни. Интересно, не так ли? Потому объявляю антракт для вопросов открытым! И уверен: в ваших светлых головах зреют вопросы куда занимательнее моих схем... — кинул я «кость».

«Та-а-ак... — сощурился я. — И кто же будет первой жертвой?»

Мой взгляд прокатился по лицам, пока не остановился на одном. Конечно же! Взметнулась рука Серёжки Беликова, сидящего впереди, прямо напротив меня. И видно было — не дурак, но учиться не хочет. А вопрос задаёт, чтоб эго потешить. В голове-то мозги есть, но использовать их лень. Именно про таких говорят: «Умный, но учиться не хочет». Ну ничего, такое мне по душе!

— Профессор, — начал он, намеренно сделав длинную паузу, — вы постоянно говорите, что они были равны с нами в когнитивном плане. Представим, что ребёнка из палеолита приняли в условно интеллигентную современную семью... Ему бы далась высшая математика? Или всё же его нейроструктуры были настроены на примитив?

«Примитив... т-ц! — эхом отозвалось это намеренно уничижительное слово. И тут же где-то внутри начала зарождаться усмешка. — Если так подумать, то я и сам в каком-то плане примитив».

— Сергей, Сергей... — Я покачал головой. — Такое естественное, почти регулярное желание устроить предку ЕГЭ, ОГЭ и сессию.

Этот вопрос был одним из моих «любимчиков». Задавали его с изрядной регулярностью.

— Что же... С точки зрения биологии — никаких препон.

Несколько пар бровей тут же поползли вверх. Ага, «нейроструктуры» мы знаем, а «препон» — это вам уже другой конструкт.

— А факты? Имеются ли доказательства?

— Конечно! — воскликнул я. — Без доказательств сейчас никуда, да и с ними иной раз не пустят! Ха-ха! Давай начнём с того, что в среднем их мозг был даже больше, чем у нас.

Уточнять, что он у нас уменьшается, я не стал.

— У них имелся всё тот же ген FOXP2, что отвечает за нашу речь.

И меня, как бы я ни старался, всё коробило от необходимости сравнивать две группы, которые как бы... всё-таки один вид.

— Кроманьонец эпохи верхнего палеолита по когнитивным возможностям никак нам не уступал. — Я мягко

ухмыльнулся. — Примера ради: дети из условно отсталых и изолированных племён при усыновлении в современную семью успешно осваивают языки, науки и всё прочее, что диктует наша культура. Их мозг совершенно такой же, как у нас. И это при том, что их предки десятки тысяч лет жили в каменном веке, а некоторые народы сохраняли подобный уклад до совсем недавнего времени.

Но Сергей не намеревался сдаваться:

— Почему же тогда каменный век длился такой долгий период? Почему они не освоили земледелие и животноводство? Что помешало создать письменность, металлургию и промышленность?

Так и хотелось сказать: «И швец, и жнец, и на дуде игрец» и «Своя ноша не тянет». Но ныне дети понимают только сухой язык науки, а не изречения пращуров.

— Ничего, — пожал я плечами. — А зачем? — спросил я, словно руководитель пресс-службы «АвтоВАЗа».

— Ну...

— Давай так... Представь, что у тебя имеется мощнейший процессор. Но ты ставишь на него операционную систему, написанную для анализа следов на влажной глине, предсказания путей следования табунов тарпанов, предсказания погоды. Будет ли этот процессор работать?

— Эм... Да, — неуверенно ответил он, словно ища подвох.

— Именно! — воскликнул я, но тут же постарался взять себя в руки. — Он будет работать. И не просто работать — он будет справляться с этими задачами блестяще! Ведь именно для них он создавался, точнее... настраивался десятками, сотнями поколений.

Я подошёл к доске и нарисовал простую схему.

— Представим, что это мозг кроманьонца. — Я обвёл круг. — Он вовсе не пуст, а как раз наоборот — заполнен до самых краёв. — Я поделил мелом круг на сегменты и начал делать простые пометки. — Пища. Охота. Лекарства. Погода. Навигация. Технологии. И прочее!

Так я пытался наглядно показать, что кроманьонец, да даже и неандерталец, не были столь узколобыми, как их рисует массовая культура. И уж точно не мычащими существами с дубиной. Этот миф я собирался развеять прямо сейчас!

— В базе его операционной системы имеется своя таксономия десятков видов различных растений с разделением на «съедобно», «лекарство», «яд» или «волокно для верёвки». Здесь же особенности поведения и миграционные пути множества видов животных. Технологии обработки камня, дерева и кости. Карта местности в сотни километров с точностью до куста, родника или скалы. И важнее всего — сложная уже тогда социальная структура взаимодействия между членами общины. Пять десятков ролей и невероятное количество вариантов взаимодействия и определения иерархии без строгих рамок. Окажись человек каменного века в нашем мире, и он сойдёт с ума от потока информации. А вот там, среди сосен, ледников и мамонтов, он настоящий гений!

Я решил не уточнять, что мы в их мире считались бы одним из трёх вариантов: «сумасшедший», «бесполезный» или «идиот».

Сергей внимательно слушал, а за ним и вся группа.

— Они не были глупее. Они были специализированнее. Их интеллект был идеально отточен для конкретной экологической ниши — жизни охотников-собирателей в эпоху плейстоцена. Земледелие — это не просто «взять и посадить семя». Это сперва идея, что это вообще нужно.

Я сделал паузу, ожидая версий, но, если бы продолжил ждать, здесь бы и помер. У восьмого десятка это уже не кажется шуткой.

— А зачем? Зачем копать землю и ждать месяцы, когда можно пойти и собрать? Зачем пасти и охранять стадо, которое можно просто загнать в ловушку раз в сезон и вдоволь запастись мясом?

Я решил быстренько свернуть, дабы не рассказывать обо всех методах консервирования продуктов в палеолите.

— Это кажется нам очевидным только потому, что мы живём по ту сторону «неолитической революции». А вот это, возможно, пробудит у некоторых интерес. Для них это был бы нелепый и крайне рискованный проект.

«Подумайте над этим...» Я дал время, чтобы их мысли улеглись, и продолжил:

— Поймите, парадигма сменяется не тогда, когда в какой-то группе появляется излишне «умный» представитель, а ког-

да меняется сам мир, окружающий эту группу. Да и появиться он из ниоткуда не может по определению.

Витя, сидевший позади всех, вдруг стал активно записывать в тетрадь, будто ему и впрямь было интересно.

— Всё начинается с того, что климат становится стабильнее. Крупная дичь начинает рассредоточиваться на большей территории, а местная популяция растёт. Но ведь ресурсы в том же радиусе не растут, а их требуется больше. Именно тогда кто-то взглянет на место, где когда-то было брошено зёрнышко, а сейчас вырос колос. И подумает уже не: «Как?» Он знал «как»: эти закономерности наблюдали десятки, сотни лет, накапливая эмпирический опыт.

Я остановился, сделал вдох и продолжил:

— Он должен будет задать вопрос: «А что, если?»

Отлично, я видел, как сдвигается их парадигма.

— И это будет уже совсем иной тип мышления. Не охотника-собирателя, что вынужден следовать за природой, а хозяина, пытающегося её подчинить и предугадать. Но ведь до этого самого «что, если?» ещё нужно дожить. И вот их идеально настроенный процессор со специализированной операционной системой позволял им жить так десятки тысяч лет.

Я видел, как моя мысль пробежала по рядам студентов. Как она искрой разжигала их понимание. Как разгорался их интерес. Да, такое меня устраивает. Именно поэтому я так любил преподавать. Даже сподобился подучить каверзный язык молодёжи — ну, насколько мог. Ну а кто, если не я?

Следом последовал вопрос от Ани Зайцевой, что сидела на заднем ряду. Я частенько обращал на неё внимание, потому как у неё имелось два серебряных кольца в брови, ещё одно в носу и пара в губе. Они постоянно поблёскивали в свете ламп. Редкая «индивидуальность» этой девушки выдала вопрос, что едва не заставил меня скривиться, но я сдержался и не выдал никакой особой реакции.

— Дмитрий Васильевич, но... — она вечно жевала слова, делала остановки, — если они были такими, как вы говорите, адаптированными, откуда у них была такая ужасная детская смертность? И ещё... Почему они жили как собаки, простите? Разве не это признак эволюционного провала вида?

— Интересный, хоть и довольно некорректный вопрос, — кивнул я спокойно. — Как собаки, да? Анна, эволюции абсолютно плевать на комфорт и длительность отпуска. Её КРІ — эффективность, с которой передаются гены. — Я специально вставил такое модное словечко. — Стратегия наших предков была отличной для соответствующей экологической ниши. Если ребёнок дожил до полового созревания, нужно как можно быстрее оставлять потомство, а то завтра тебя веткой придавит или пещерный лев глотку разорвёт. Такой подросток уже эволюционный чемпион. Да и те, кто выжили, часто доживали и до весьма почтенного возраста. Ну а те, кто не сумел пройти барьер... они становились эдаким фильтром. И весьма эффективным.

Мой голос разлетелся и остался висеть, ожидая следующих слов:

— Жестоко ли это? Да, если глядеть с нашей гуманистической колокольни. А отбрось её и взгляни на это с точки зрения завоевания планеты. Это гениально, естественно и результативно. Наши предки вовсе не провалились, они на самом деле выиграли олимпиаду по выживанию и естественному отбору. Именно мы с вами, все люди, живущие сейчас, стали их золотой медалью.

Я глянул на Анну и увидел, что она не сдалась, но вызов в её глазах погас. Он уступил место другим, более полезным мыслям.

И тут-то зал буквально взорвался криками, взметающимися руками и бесконечными вопросами, накладывающимися друг на друга:

— Если они говорили, то на каком языке? Или это были лишь звуки и жесты?

— А зачем они оставляли наскальные рисунки? Это просто картинки или в них больший смысл?

— У них были гендерные роли? Мужики идут на мамонтов, а бабы смотрят за детьми?

Это была моя награда как педагога, и я наслаждался нашей схваткой. Именно такие лекции разжигали во мне почти потухший огонёк интереса.

И я отвечал! Рассказал про подъязычную кость, такую же, как у нас. Объяснил, что без сложного синтаксиса проблематично объяснить технологию лука или атлатля.

— Они вовсе не мычали и не каркали! — бросил я. — Будьте уверены, они перемывали косточки соседней общине не меньше, чем вы сплетничаете про соседнюю группу.

Но и уточнял:

— Не забывайте, что плотность населения была в десятки раз ниже современной. Так что, скорее всего, сплетничали они друг о друге, друг с другом.

Да, даже шутить умудрялся.

Рассказал, что пещеры вряд ли были простой картинной галереей. Что, вероятно, это было сакральное место — эдакая помесь молельного дома, специального училища и социальной сети.

— Времени бездельничать у них не было! Все их действия имели в первую очередь практическую необходимость. И это также относилось к сакральным материям и даже искусству.

Насчёт «мужиков» и «баб» вовсе не сдержал усмешки. И развенчивал миф я с явным удовольствием:

— Археологам известны женские погребения с полноценным набором охотника. Да и собирательство обеспечивало весомую долю рациона — оно имело стратегическое значение.

Когда же гул голосов стал стихать, пришла та хрустальная, прозрачная тишина, которой я всегда немного боялся. С самого заднего ряда пришёл вопрос от Ильи Сомова — тихони, который, кажется, за весь семестр едва задал пару вопросов:

— А они... Дмитрий Васильевич... — Он осторожничал, словно боялся, что засмеют. — Они были счастливее нас?

Этот вопрос заставил меня откинуться на спинку стула, и старая травма в боку, полученная при раскопках на Мальте, напомнила о себе. Но я проигнорировал её и призадумался.

Сходные вопросы подлинно не по чину нам, учёным, кои знают лишь кости, камни и следы в слоях древних пород. Может, следовало пройти курс философии. Ведь счастье — это не про биологию или культуру. Да и чем антропологи измеряют счастье? Спектральным анализом охры?

Мне почудилось, что данный вопрос куда важнее всех иных, прозвучавших в этой аудитории сегодня. И ответ на него я выискивал не в лекционном резерве, а в глубине прожитых лет, в воспоминаниях с раскопок и ощущениях, которые практически забылись.